

УДК 1(091)

ЖАК МАРИТЕН: ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ

О.А. Югова

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируются философские воззрения представителя неотомизма Ж. Маритена относительно экзистенциализма и человеческой субъективности. Маритен трактует понятие «экзистенциализм» двояко и определяет, к какому именно типу относится учение Фомы Аквинского, которое он осмысляет как экзистенциальное. Также рассматривается взгляд французского философа на субъективность, разум и возможности познания истины человеком.

***Ключевые слова:** субъективность, свобода, разум, интеллигибельные сущности, истина.*

Маритен – неотомист, но в своих философских построениях он непосредственно затрагивает вопросы человеческого бытия, смысла жизни и осмысления человеком себя самого, т. е. экзистенциальные проблемы. Свою философию он определяет как интегральный гуманизм, но, поскольку он является последователем учения, разработанного Фомой Аквинским, и сам же называет это учение экзистенциальным, легко допустить, что интегральный гуманизм близок к экзистенциализму, если не в выводах, то в постановке проблем. Необходимо, однако, уточнить, как именно французский философ определяет экзистенциализм.

Маритен приводит две трактовки термина «экзистенциализм»: «...есть два принципиально различных понимания слова “экзистенциализм”. В одном случае утверждается примат существования, но как предполагающего и сохраняющего сущности или природы, как знаменующего собой высшую победу интеллекта и интеллигибельности. Это то, что я рассматриваю как подлинный экзистенциализм. В другом случае утверждается примат существования, но как разрушающего или устраняющего сущности или природы, как демонстрирующего высшее поражение интеллекта и интеллигибельности. Это то, что я рассматриваю как апокрифический экзистенциализм – тот самый современный экзистенциализм, который уже вообще ничего не означает» [2, с. 8–9]. Мы видим, что Маритен крайне отрицательно относится к экзистенциализму в его втором понимании, полагая, что такой подход не признает существования объективной меры морального. При этом первое понимание экзистенциализма близко философии Маритена; он говорит о «глубинно экзистенциальном характере томистской этики» [там же, с. 34], определяя ее словами основателя томизма, Аквината: «Св. Фома учит, что совершенство состоит в любви милосердия и что каждый должен стремиться к совершенству любви сообразно со своим положе-

нием постольку, поскольку он любит. Всякая мораль, таким образом, связана с тем, что наиболее экзистенциально в мире. Ибо любовь – и это является другой томистской темой – направлена не на возможности и не на чистые сущности: она направлена на существующее, любят не возможное, а то, что существует или предназначено к существованию» [там же]. В этом смысле Маритен экзистенциалист – как последователь Фомы Аквинского, чье учение он осмысляет как истинно экзистенциальное.

Философ полагает, что «существуют объективные нормы морали, существуют обязанности и правила, поскольку формальная составляющая человеческой морали – это мерило разума» [там же, с. 35], он не соглашается на моральный релятивизм, отсекает всякую относительность. Продолжая эту мысль, он утверждает, что без универсального закона нет свободы: «...устраняя общее и универсальный закон, устраняют разум, в котором коренится всякая свобода и из которого в человеке исходит столь великое желание, что его не могут в достаточной мере детерминировать никакой мотив и никакая объективная потребность, кроме Блаженства, увиденного воочию» [там же, с. 39–40]. Маритен, таким образом, полагает, что свобода человека – в его разуме, и именно разум способен увидеть истинный путь, которым следует идти, и только разум может мотивировать человека к созидательным действиям.

Относительно вопроса о природе зла Маритен стоит на позиции, характерной для ортодоксальной католической мысли. Зло имеет своей первопричиной не Бога, а свободную волю сотворенного существа. Не Бог изобрел зло [там же, с. 68]; ответственность за него полностью несет человек. При этом Маритен считает, что объективного начала зла не существует, зло – это то ничто, которое человек создает без Бога. «Без Меня не можете делать ничего» (Ин., 15: 5); осмысляя эту цитату, Маритен логически поворачивает ее: «...без Меня вы можете сделать ничто» [2, с. 66]. Зло понимается философом как абсолютное ничто, лишённость, уход от Бога. Бог обладает только идеей добра, Он не обладает идеей зла. «Бог знает зло таким, каково оно есть – как лишённость, как небытие, уязвляющее бытие, и там, где оно есть – в бытии или благе, которое оно уязвляет» [там же]. Согласно этой концепции, зло появляется там и тогда, когда человеческая воля отходит от блага. Зло как отсутствие Бога, отдаление человека от Бога как единственного источника блага; зло исходит из способности человека творить *ничто*.

«Так как зло свободного акта есть наше собственное творение, то, позволяя нашим монстрам множиться до предела, позволяя нашей способности отрицания с ее неистощимыми ресурсами развивать все формы деградации и разрушения бытия, божественная свобода явит высоту своего всемогущества, извлекая из всего этого высшее благо, которое она полагает своей целью, но не ради себя, а ради нас» [там же, с. 68]. Философ видит зло как результат свободы, данной человеку Богом, неверно направленной, но, опять же, не фатальной; божественное

всемогущество способно направить во благо даже самые разрушительные действия людей. Маритен смотрит на эту проблему достаточно оптимистически и в то же время – принимая ответственность за зло на человечество и осознавая, что только бескрайнее божественное милосердие не позволяет людям уничтожить себя и весь мир, дойти до предела в создании *ничего*.

«С христианской точки зрения ошибка – не фатальна. Она включена в план вечной мудрости, однако человеческая свобода остается, по воле Божией, реальной, и она свободна творить добро, которое Бог извечно решил предопределить, или зло, которое Бог извечно решил позволить» [там же, с. 414]. Так философ разрешает вопрос о соотношении божественного всеведения и человеческой свободы. Человек не может не ошибаться, и признание его права на ошибку, поправимость ошибки необходимы, чтобы человеческое действие в принципе было возможным.

Так же, как зло – чисто человеческая категория, так и близкие ему понятия философ определяет как субъективные. «Тоска есть достоинство субъективности... Тревога, тоска есть не что иное, как форма духовного опыта философа. На своем пути он испытывает и другие состояния, он познает интеллектуальную радость, в которую не проникает ничего человеческого, решающие интуиции и озаряющую уверенность» [там же, с. 87–88]. Здесь мы видим несколько неожиданное для гуманиста утверждение: предел стремлений философа – это чисто разумное счастье, в котором нет ничего человеческого. Не напрасно Маритен называет свой гуманизм интегральным; в его философской системе человек не самоцелен, даже более того – человеческая субъективность предстает как начало всех проблем. Человек только тогда подлинно живет, когда выходит за свою субъективность, за свои пределы, выходит к разумному началу. Но при этом человек, стремящийся познать истину, «отдаст себе отчет в том, что все высказанное людьми о бытии и о Боге должно казаться святым ворохом соломы и что соломинка, которую каждый с великим трудом пытается к нему добавить, никого не спасет, ибо все будут судимы лишь в свете любви» [там же, с. 105]. Любовь – краеугольный камень мироздания, поскольку человек может жить и познавать истину только в свете божественной любви. Любовь Маритен понимает в полном соответствии с томизмом и цитирует Фому Аквинского: «Любовь – не преходящее удовольствие или более или менее интенсивная эмоция, а изначальное стремление и глубинное основание, заключенное в самом его бытии, то, для чего он живет» [там же, с. 54].

Маритен говорит о смирении в положительном смысле. «Мудрость Священного писания провозглашает, что наша личность не существует в своей основе иначе как в смирении и спасается лишь божественной личностью, потому что Бог – это личность, которая дает, а наша личность – это личность данная» [1].

Французский мыслитель отводит настолько высокую роль разуму, что и понятие истины в его философии напрямую связано с разумным познанием. На вечный вопрос о том, что есть истина, философ отвечает, опять же подчеркивая главенство разума, здравого смысла: «Мгновенный ответ здравого смысла гласит, что истина – это то, что есть; или, точнее, поскольку истина познания, о которой идет речь, должна быть сродни познающему разуму, должна быть связана с совершенством этого разума, то истина есть соответствие разума с тем, что есть. Именно этот ответ станет для нас необходимой отправной точкой; ибо везде, где речь идет об основополагающих вопросах, исходить надо из естественных утверждений здравого смысла» [2, с. 132]. Получается, что истина – это понимание сущего, состояние совершенного разума; истина разумно постигаема. Более того, разум и истина неразрывно связаны между собой и взаимно друг друга определяют. «Разум истинен постольку, поскольку постигает вещи такими, каковы они есть. Но и вещи истинны постольку, поскольку они соответствуют разуму, от которого зависят, – будь это человеческий разум (для творений искусства) или божественный разум (для природы). Истинность разума и истинность вещей остается всегда *adaequatio rei et intellectus* (соответствие вещи и понятия)» [там же, с. 142].

Разуму отводится формирующая роль, т. к., например, интеллигибельные сущности (Бог, душа, чистый разум) не имеют материальной формы, однако существуют и вне нашего сознания. Но ничем, кроме разума, мы их охватить не можем.

Так, мы видим, что Маритен отделяет экзистенциализм от субъективности, отводя разуму и объективным критериям морали главенствующее место в своей философии. Человеческая субъективность, по его мнению, искажает истину, уводит человека от Бога; человеческая личность имеет ценность лишь постольку, поскольку она – образ Бога. И только божественное всемогущество способно исправить ошибки человека и направить на благо результаты неразумного человеческого выбора. Отождествляя, по сути, разум с Истиной, Маритен не проводит такой аналогии между разумом и Богом, что сблизило бы его с античной трактовкой вопроса; но приблизиться к пониманию Бога, по мысли философа, можно только разумным путем.

Список литературы

1. Маритен Ж. Знание и мудрость [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agnuz.info/library/books/knowledge/>. Загл. с экрана.
2. Маритен Ж. Избранное: Величие и нищета метафизики: пер. с франц. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 608 с.

JACQUES MARITAIN: EXISTENTIALISM AND SUBJECTIVITY

O.A. Yugova

Tver State University (Tver)

In the article is aimed at the analysis of existentialism and subjectivity understanding in J. Maritain's Neo-Thomist philosophy. J. Maritain proposed a dual – positive and negative- interpretation of the 'existentialism' emphasizing that Thomas Aquinas' doctrine should be considered as trulyb'existential' The article examines the French philosopher's views on subjectivity, reason, and a human ability to attain Truth.

Keywords: *subjectivity, freedom, reason, intelligible entities, Truth.*

Об авторе:

ЮГОВА Ольга Александровна – магистр истории, аспирантка кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: Goblin-chan@rambler.ru

Author information:

YUGOVA Olga Alexandrovna – MA (Histoty), a Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: Goblin-chan@rambler.ru